

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Далеко-далеко, на берегу моря-океана, за тридевять земель и ещё за высокой горой, в маленьком городе у опушки бора жили два брата-художника. Младшего брата звали Добрый Художник. А старшего — Злой.

Провёл старший брат чёрной-пречёрной краской черту.

— Всё, что по эту сторону, — моё! — сказал он младшему.

Видишь, ему досталась большая половина комнаты.

И большая половина окна.

И бо́льшая полови́на ле́са, кото́рый ви́ден в окне́.

И бо́льшая полови́на звёздочек, кото́рые горя́т над ле́сом.

Стал До́брый Худо́жник рисо́вать на большо́м листе́ бума́ги карти́нки и бу́квы для а́збуки: «А»... «Б»... «В»... По́гляде́л, а часть ли́ста по́пала за че́рную черту́ к зло́му бра́ту.

Пло́хо, да что поде́лаешь.

Рабо́тает До́брый Худо́жник, рису́ет.

К ве́черу хо́лодно ему́ ста́ло, ру́ки совсе́м замерза́ют.

Пошёл он в дрему́чий лес — хво́росту набра́ть и пе́чку протопи́ть.

Идёт он чащóбой. Дерёвья трещáт от морóза.

Темно́.

Хо́лодно.

Страшно.

Идёт он, идёт и вдруг слышит дрожащий голосок:

— Простите, пожалуйста, я ззз...а...мм...е...рр...ззз...аю...

Огляну́лся До́брый Худо́жник, а в сугро́бе, под ёлочкой, ёжик.

Пло́хо бедня́ге: шу́ба заледене́ла, щёки побеле́ли от моро́за.

Ёж-ежи́ще — Чёрный носи́ще... Зна́ете, когда́ Ёж возвра́щается из ле́са в но́ру, он снима́ет колю́чую шу́бу, ве́шает на гвоздь и надева́ет мя́гкую пижа́му.

И ежа́та, когда́ возвра́щаются из ле́са в но́ру, то́же снима́ют колю́чие шу́бки и надева́ют мя́гкие пижа́мы.

Но когда́ Ёж выхо́дит из норы́ в лес, он никогда́ не забыва́ет снять пижа́му и надеть колю́чую шу́бу.

И ежа́та то́же никогда́ не забыва́ют. Колю́чки защи́тят и от лисы́, и от во́лка!

А от моро́за треску́чего? От ве́тра ледяно́го?

Нет, от моро́за и ве́тра о́ни не защи́тят.

Пожале́л До́брый Худо́жник ёжика и положи́л его́ за па́зуху: пусть бедня́га отогре́ется.

Положи́л он его́ на грудь и уколо́лся бо́льно-пребо́льно.

И сра́зу почувство́вал: что-то странное твори́тся круго́м.

Будто бы он спит, но с откры́тыми гла́зами.

И будто бы тепло́ ста́ло в лесу́.

Ёли и со́сны стряхну́ли снег, похло́пали мохна́тыми ла́пами, взяли́сь за ру́ки, окружи́ли Худо́жника, веду́т

хоровод, и маленькая ёлочка тихо приговаривает:

— Не бойся. Ничего страшного не случилось.

— Ничего не бойся! — вслед ёлочке повторяет мудрый старый пенёк в снежной высокой шапке. — Просто-напросто ты стал волшебником. Так бывает с каждым, кто в зимнюю стужу, в морозную ночь повстречает Ежа-ежища — Чёрного носища и согреет его.

— Что же мне делать? — спросил Добрый Художник, который всё-таки очень испугался.

— Будь осторожен! — десятками голосов ответили ели, и сосны, и лесной ветер.

Синие подснежники на секунду выглянули из окошек снежных сугробов — своих домов, тоже сказали:

— Будь осторо́жен! — и снóва скры́лись в сугрóбах.

— Будь осторо́жен! — проскрипéл ста́рый пенёк в снéжной ша́пке. — По́мни: э́то нелегко́ — ста́ть настоя́щим До́брым Волше́бником.

...Очну́лся Худо́жник, а он уже́ до́ма. В пе́чке го́рит хво́рост. Тепло́. На столе́ — недорисо́ванная а́збука.

«Неужéли мне всё то́лько присни́лось?» — подумáл он.

Гляди́т, а из руба́шки ежи́ные и́глы торча́т.

Положи́л он и́глы на стол, и вот уже́ э́то не и́глы, а цветные́ карандаши́.

Оди́н, се́рый, каранда́ш ука́тился за чё́рную черту́ — к Зло́му Худо́жнику. Тот его́ — цап-цара́п.

— Мой! — говори́т. — Не отда́м!

До́брый Худо́жник сра́зу догада́лся: э́то не просты́е, а волше́бные каранда-

шй. И всё, что нарисуешь волшебными карандаша́ми, бу́дет живо́е!

И подумал он:

«Нет у меня́ дочки. А кака́я жизнь без дете́й? С кем посмеёшься? Ко́му пора́дуешься? Ко́му ска́зку расска́жешь?»

И реши́л он: «Дай нарисую́ я себе́ ма́ленькую доченьку. И назову́ её Ёженька».

Взял и нарисова́л.

Вот кака́я де́вочка получи́лась! Синегла́зая, ры́жая, с банта́ми — сла́вная!

Сла́вная-то сла́вная, то́лько капри́зная
немно́го.

Огляде́лась Ёже́нька и захны́кала:
— Ску́-у-у-учно!

И Худо́жник чуть не пла́чет: жа́лко
ему́ де́вочку.

Поду́мал он и нарисова́л мо́ре: спо-
койное, весе́лое.

И не́бо нарисова́л — ясное, без о́б-
лачка.

И нарисова́л Ёже́ньке ша́пку — золо-
ту́ю, как коро́на.

И ло́дку нарисова́л — настоя́щую, из
спиче́чной коро́бки.

И ма́чту.

И па́рус из ро́зового лепестка́.

И дал Ёже́ньке в ру́ки си́ний воз-
ду́шный шар.

И сказа́л до́чке:

— Ката́йся по мо́рю. Не скуча́й. А я
отнесу́ а́збуку в шко́лу. А то де́ти все́

спра́шивают, как пи́шется «А», и как пи́шется «Б», и как пи́шется «В».

И он ушёл.

Злой уже тут как тут.

— Ага́! Попа́лась! — закрича́л он стра́шным го́лосом и — р-раз! — распахну́л окно́.

А на дворе́ бушева́ла бу́ря. Ворва́лся ве́тер в ко́мнату.

Заверте́лось всё, закружи́лось. Оде́я-ло летит, как пти́ца кры́льями ма́шет. Ла́мпочка под потоло́ком раска́чивается, как ко́локол: «Динь-ди́нь, динь-ди́нь...»

Забурли́ло и нарисо́ванное мо́ре.

Вы́ше, всё вы́ше поднима́ются во́лны. Вот ка́кие стра́шные бе́лые гре́бни на них! Того́ и гляди́, ло́дка уто́нет.

Уже́ и ма́чту слома́ло, и па́рус сорва́ло. Уже́ и не ви́дать ло́дки среди́ волн...

